

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN® ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

Героини Хелен Диксон
всегда находят в себе силы
встать лицом к судьбе.
Повествование
захватывает
и преподносит читателю
немало приятных
сюрпризов.
historicalromancewriters.com

Хелен Диксон ЗАМУЖЕСТВО МИСС МОНКТОН

Хелен Диксон

Замужество мисс Монктон

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589055

Замужество мисс Монктон: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02465-7

Аннотация

Средневековая Франция охвачена мятежами. Один за другим возникают бунты и пылают родовые замки. Чарльз Осборн приезжает из Англии, чтобы проведать своих родственников, оценить обстановку в стране и помочь юной Марии Монктон вернуться в Англию, где ее ждет жених – полковник Уинстон. Но во время опасного путешествия Чарльз проникается нежными чувствами к своей своенравной и храброй спутнице. Ему не дает покоя мысль о том, что Мария станет женой расчетливого и коварного полковника. Удастся ли ему отговорить девушку от замужества, которое принесет ей лишь горе и слезы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Хелен Диксон

Замужество мисс Монктон

Глава 1

Сильный ветер гнал по небу косматые облака, низвергающие на землю потоки воды. Этой ночью Чарльз почти не спал, его раздражала вынужденная задержка в пути – необходимо было заехать в замок Феро, для чего ему придется сделать большой крюк. Он подставил лицо дождю. Погода как нельзя больше соответствовала его дурному настроению.

Предаваясь мрачным размышлениям, он въезжал в маленькую деревушку с единственной улицей. Она ничем не отличалась от других французских деревень – те же бедные крестьянские хижины, колокольня у церкви на окраине, неизменная ветряная мельница и таверна. Невыносимое зловоние сточных канав вызвало у него отвращение и ужас перед этим свидетельством безнадежной нищеты.

Порывы ветра срывали с деревьев последние листья, и, растерянно пометавшись в воздухе, они обессиленно падали на землю, скапливаясь в придорожных канавах. Лошадь Чарльза медленно ступала по узкой улочке, мощенной блестящим от дождя булыжником. Ему встретилось всего несколько человек, и все в каких-то жалких лохмотьях.

Они обращались на цокот копыт, он видел их лихорадочно блестящие, голодные глаза и едва сдерживал проклятия.

Франция переживала тяжелые и опасные времена. Огромные расходы на войну с Америкой практически истощили казну. Простой народ совершенно справедливо считал, что роскошная жизнь, которую вели при дворе, отнюдь не помогает Франции справиться с финансовыми проблемами. Государство постоянно повышало налоги, и, чтобы уплатить их, людям приходилось голодать. А тем временем дворянство изощрялось в увеселениях в своих роскошных замках и дворцах Версаля, в этом рукотворном раю Людовика XVI. Повсюду раздавался ропот недовольных, в умах людей зарождались бунтарские идеи.

На окраине деревни Чарльз встретил тощего старика с мальчиком лет пяти-шести, собиравших в мешок сухие ветки. Похоже, для них это единственное средство хоть немного согреться и приготовить скудную пищу. Старик вдруг споткнулся, выронил мешок, и собранный с таким трудом груз высыпался на мокрую землю. Дед и внук кинулись подбирать хворост. Чарльз спешил и помог беднякам.

Когда весь хворост был собран, на морщинистом лице старика появилась улыбка.

– Благодарю вас, сударь.

Чарльз внимательно посмотрел на него, пытаясь сообразить, сколько ему лет. Он понимал, что старик может быть моложе, чем выглядит, но, услышав ответ на свой вопрос,

потерял дар речи.

– Тридцать два, сударь. – «Дед» улыбнулся, заметив в глазах незнакомца удивление. – Да, сударь, голод всех нас состарил.

Послышался сначала отдаленный, но стремительно нарастающий грохот колес по булыжнику. Все трое взглянули на дорогу и отскочили в сторону, чтобы не попасть под карету. Кучер в ливрее нахлестывал четверку лошадей, мчавшую черную карету с такой скоростью, что их копыта высекали искры из булыжника, а колеса экипажа взлетали над дорогой.

Карета вихрем пронеслась мимо, и Чарльз лишь мельком увидел за окном светлое пятно лица женщины в обрамлении темных волос и черное платье.

– Только посмотрите на эту аристократку! – возмущенно воскликнул крестьянин. – Ну ничего. Скоро мы избавимся от дворян и всего их спесивого племени! И скатертью им дорога – вот что я могу сказать. Эти кровососы получают то, что им причитается, – они давно уже этого добиваются. И когда им придется отвечать за все, что они натворили, им не видать жалости! – С этими словами он плюнул на землю и утер рот рукавом.

– Вы платите налоги вашему сеньору?

– А как же! Я отдаю ему все, что имею. Плачу за то, чтобы смолоть мое зерно на его мельнице. Плачу за то, чтобы давить мой виноград на его прессе. Зимой мы голодаем и вынуждены кормить детей кореньями и отрубями, от этого у

них пухнут животы. Одна из моих дочерей в прошлую зиму умерла – бедняжка так мучилась перед смертью. А жена до того исхудала и ослабела, что уже не может работать. Чтобы прокормиться, мы забили всю свою скотину, а недавно ко мне в дом ворвались сборщики податей – соль искали.

– И нашли?

– Да разве от них что спрячешь?! Забрали и соль, и последние деньги – в уплату штрафа, как они сказали. От этих налогов просто житья нет. Мы с женой решили уйти из дома и бродить по дорогам. Мы бросили мебель, землю, все. Пусть забирают себе. Когда у тебя ничего нет, тебя не могут обложить налогом.

– Очень вам сочувствую, – от всего сердца сказал Чарльз, пошарил в кармане и протянул «старикку» луидор. – Вот, возьмите, пожалуйста. Купите какой-нибудь еды.

Человек покачал головой:

– Где я же я его разменяю, сударь? Извините, но, может, у вас найдется что-нибудь помельче? Если я приду с луидором к булочнику или бакалейщику, это вызовет подозрения, и меня замучают приставы. Станут допытываться, откуда у меня такие большие деньги, увеличат мне налоги.

Чарльз дал взамен горсть мелких монет, гораздо меньше двадцати франков, но крестьянин остался доволен и бережно спрятал их в карман. На эти деньги, если их экономно расходовать, его семья сможет прокормиться несколько недель.

– Судя по всему, Францию ждут ужасные времена, – взле-

тев в седло, сказал Чарльз. – Все живут в страхе и смятении. По всей стране рушатся старые порядки.

– Верно говорите, сударь, – кивнул крестьянин, и по его морщинистому лицу потекли слезы, смешиваясь с каплями дождя. – Только, видно, не дожить мне до новых-то. – Взяв ребенка за руку, он еще раз благодарно кивнул и побрел дальше.

Чарльз медленно тронулся в путь, пребывая под гнетущим впечатлением от встречи. С тех пор как он прибыл во Францию, он повсюду видел страдания и беды людей. В прошлом году хлеб не уродился, крестьяне и так голодали, а тут еще непомерные налоги. Народ обвинял дворян в повышении цен на зерно, чаша его терпения переполнилась, нарастали гнев и возмущение.

После недавнего штурма Бастилии революционные настроения докатились и до деревни. Во многих провинциях возникали волнения и мятежи. Обстановка во всей Франции накалилась до такой степени, что ее можно было сравнить с пороховым складом. Достаточно одной искры, чтобы все взлетало на воздух. Чарльз знал психологию толпы. Стоит людям увидеть кровь, и они превратятся в обезумевших зверей. В Париже ему приходилось видеть, как разъяренная толпа неистово крушит все вокруг, но нередко он сомневался, что эта слепая жестокость действительно вызвана бедствиями, доведшими народ до крайности: зачастую эта дикая толпа состояла из самых отъявленных мерзавцев, которые – он

мог бы поклясться – вовсе не были голодающими крестьянами или обездоленными рабочими бедняками, они были закоренелыми бандитами, подстрекателями и мародерами.

Чарльз все видел, все запоминал и осмысливал события, отдыхая в какой-нибудь таверне, после чего продолжал обратный путь в Англию. Но до посадки на корабль, который доставит его на родину, ему необходимо было посетить замок Феро, расположенный здесь, в Эльзасе.

Приблизившись к следующей по дороге деревне, Чарльз насторожился и стал издали всматриваться в собравшуюся толпу на площади. Молодая дама доставала из большой корзины хлеб и другую еду и раздавала ее исхудавшим деревенским ребятишкам, окружившим ее плотным кольцом. В стороне стояла та самая карета, которая недавно промчалась мимо него; на козлах нервно ерзал кучер в ливрее.

Чарльз подъехал к площади и перевел лошадь на шаг. Вокруг остро чувствовалось злобное возбуждение. Люди умолкали и расступались, чтобы пропустить всадника, а затем снова смыкались и угрожающе ворчали вслед. Чарльз ловил на себе испуганные, недоумевающие или вызывающие взгляды.

Он медленно приближался к женщине, опасаясь, что в любую минуту толпа может взорваться. Тогда ему придется достать пистоль и стрелять, потому что толпа, подобно животному, мгновенно поддается панике.

Женщина держалась совершенно свободно, словно не за-

мечая грозной атмосферы, что вызвало в нем крайнее раздражение. При виде незнакомца она подняла на него недобольный взгляд. Чарльз спешил и, держа коня в поводу, подошел ближе, а детишки рассыпались в стороны, с жадностью запихивая в рот куски хлеба.

– Что вы делаете?! – воскликнул он и, схватив женщину за руку, потянул в сторону.

– Кто вы такой, позвольте спросить? – возмутилась она, смерив его презрительным взглядом и вырвав у него свою руку.

В осанке его высокой худощавой фигуры и в твердых очертаниях рта чувствовалась властность, уверенность в себе. Покрытая легким загаром, его сильная рука словно тисками сдавила ее кисть, а очень светлые голубые глаза пронизывали взглядом, отчего ей стало не по себе.

– Это не имеет значения, – понизив голос, ответил Чарльз. – Вы что, голову потеряли? Оглянитесь вокруг, и вы поймете мое беспокойство.

Женщина, точнее, девушка обвела взглядом собравшихся в кольцо мужчин. Их лица были настороженными, мрачными и враждебными.

– Эти люди знают меня – я не верю, что они способны причинить мне зло, – упрямо заявила она.

– В таком случае вы еще более безрассудны, чем я думал. Ваше платье, а главное, то, что у вас есть продукты, заставляет их видеть в вас врага.

Она вызывающе вздернула подбородок.

– Дети голодны. Я принесла еды, чтобы хоть чем-то им помочь.

– При этом подвергая себя опасности?

– Я осознаю опасность, но мне кажется, скорее они готовы напасть на вас, а не на меня.

Чарльз и сам так думал, но, сердясь на себя за то, что не сумел проехать мимо и предоставить эту особу ее судьбе, предпочел пропустить ее замечание мимо ушей.

– Вы очень любезны, что беспокоитесь из-за меня. Благодарю вас.

– Вам не за что меня благодарить, – отрезал Чарльз, – но чего вы надеялись достигнуть, черт возьми? Неужели вы не понимаете, что в такое время принести в деревню еду – это верх опрометчивости? Удивительно, что на вас не напали, – впрочем, еще не поздно.

Девушка вдруг сообразила, что он прав. Накануне она случайно услышала, как слуги в замке, убирая со стола после обеда, тихо говорили друг другу, что оставшейся еды хватило бы, чтобы прокормить всю деревню в течение целого месяца, что все ложатся спать на пустой желудок, а детишки никак в толк не возьмут, почему их заставляют мучиться от голода. Движимая состраданием, наутро она велела повару уложить еду в корзину и приехала в деревню, чтобы раздать ее детям. Сейчас же, видя вокруг голодные, враждебные лица, она поняла, что действительно поступила необдуманно.

– Вы правы, – признала она, не находя, что сказать в свое оправдание. – Наверное, мне не стоило приезжать, но, к счастью, я уже раздала всю еду и могу ехать.

Они стояли лицом к лицу.

Чарльз видел перед собой тоненькую и стройную девушку среднего роста. На нежном лице со слегка заостренным подбородком и высоким чистым лбом – четкий излом темных бровей, как у крыла ласточки; обрамленные густыми черными ресницами, на него смотрели удивительно лучистые зеленые глаза. На щеках рдел румянец, весьма вероятно вызванный негодованием.

Иссиня-черные волосы были тщательно прикрыты капором, но несколько мягких локонов выбились наружу, и у Чарльза возникло неуместное желание спрятать их обратно. Четкий овал лица со слегка выступающими скулами и весь ее вид говорили о неустрашимости. Казалось, она не боится никого, а его – тем более.

Стоявшая поодаль карета и дорогая накидка из тонкой черной шерсти поверх черного платья говорили о принадлежности девушки к богатому сословию.

В свою очередь девушка тоже разглядывала человека, помешавшего ее благотворительности. Перед нею стоял молодой мужчина в черном сюртуке с шелковым белым платком на шее, узких черных панталонах и верховых сапогах выше колена. Он был высоким, худощавым и широкоплечим, и во всем его облике сквозила повелительная самоуверенность,

свойственная человеку высокого положения. Взгляд необыкновенно светлых глаз с серебристыми искорками, оттененными загнутыми ресницами, поражал пронизательностью. Из-под полей шляпы выбивались густые каштановые волосы. У него было красивое, с правильными чертами лицо.

– Полагаю, вы никому не сказали, куда и зачем собираетесь ехать, – строго заметил Чарльз.

Она покачала головой:

– Меня не отпустили бы.

– И правильно сделали бы. Вашим родителям следует строго наказать вас за эту эскападу и в будущем ограничить ваши самостоятельные поездки. Поезжайте домой, и, если у вас снова возникнет какое-нибудь благое намерение, советую предварительно хорошенько его обдумать. Мне проводить вас?

Она отшатнулась, явно возмущенная его бесцеремонным выговором.

– Разумеется, не стоит. Я способна сама о себе позаботиться. Прекрасно обойдусь и без вас.

Чарльз дождался, пока ее карета уехала, затем вскочил в седло и отправился дальше в поисках постоянного двора, чтобы остановиться на ночлег.

Мария возвращалась в карете в замок Феро; опустевшая корзина стояла рядом на сиденье. Выбросив из головы несносного незнакомца, она с интересом смотрела в окно.

Трудно было поверить, что Франция охвачена мятежами, когда вокруг простирался такой прелестный и спокойный пейзаж, хотя и несколько омраченный дождем и серыми облаками. И все же она мечтала поскорее вернуться домой, в Англию, где в поместье Грейвли провела самые счастливые годы своей жизни.

В своем завещании отец Марии, сэр Эдуард Монктон, выразил желание, чтобы ее определили под опеку графини де Феро, сестры его покойной жены, пока девочка не достигнет восемнадцати лет, когда сможет выйти замуж за полковника Генри Уинстона. Полковник Уинстон занимал высокооплачиваемую должность в Ост-Индской компании, где и познакомился с ее отцом. Прошло уже шесть лет с тех пор, как полковник Уинстон приезжал в Англию и посетил сэра Эдуарда в его поместье Грейвли.

Тяжелый климат Индии подорвал здоровье отца Марии, и последние годы жизни он провел в непрерывных страданиях. Сознавая свой близкий конец, он стремился устроить будущее дочери, прежде чем Грейвли начнут осаждать женихи, а точнее, охотники за состоянием Марии. И когда полковник Уинстон признался в своем намерении предложить ей руку и сердце – его смуглое от загара лицо и яркие рассказы об Индии оживили воспоминания больного о времени, проведенном в этой удивительной стране, – сэр Эдуард, довольный, что будущее его дочери будет обеспечено, согласился на их помолвку.

Мария, которой в ту пору было всего тринадцать лет, не возражала, она успела полюбить этого симпатичного и отважного полковника с внушительной фигурой, который снисходил до бесед с девочкой, осыпал ее комплиментами и поражал рассказами о своих необыкновенных приключениях в Индии. Разумеется, свадьба могла состояться только по достижении Марией восемнадцатилетия, и до этого момента полковнику предстояло служить в Индии еще шесть лет.

Осиротевшую в четырнадцать лет Марию привезли в замок Феро, где ее встретили не очень радушно. Впрочем, ее тоже не радовала необходимость жить в замке.

Все здесь разительно отличалось от ее английского дома. Теплая, радостная и светлая атмосфера Грейвли совершенно не походила на холодный и надменный французский замок. Здесь она встретила суровую дисциплину, крайнюю сдержанность и даже враждебность, которые исходили как от членов семьи, так и от слуг. Даже ее избалованная кузина Констанс не проявляла к ней симпатии. Постоянно чувствуя себя одинокой и несчастной, девочка замкнулась в себе. Казалось бы, ее молчаливость и стремление к одиночеству должны были вызвать понимание и сочувствие даже в такой сухой и черствой особе, как графиня, но вместо этого были восприняты как капризность и чрезмерная обидчивость.

Было уже позднее утро, когда Чарльз подъезжал к замку

Феро. Великолепное здание располагалось в центре огромного парка, огороженного недавно постриженными живыми изгородями из самшита, с широкими длинными аллеями, вдоль которых тянулись статуи и вазоны в обрамлении ярких цветочных бордюров, с затейливо украшенными фонтанами на перекрестье аллей. По густым, словно бархат, газонам гордо расхаживали павлины, то разворачивая во всю ширину, то складывая свои яркие хвосты-веера.

Во всем чувствовались мир и покой – в противоположность с характером бывшего владельца замка. Его, как объяснили Чарльзу, когда он попросил проводить его к графу Ферро, в этот самый день хоронили в фамильном склепе у местной церкви.

Развернув лошадь, Чарльз двинулся к церкви. Вдоль широкой тропы, ведущей к церковным воротам, стояли люди. Лица их выражали самые разные чувства: печаль, сочувствие, любопытство и холодную враждебность к человеку, чье требование увеличить налоги сделало их жизнь невыносимой.

Глаза всех устремились на церковь, откуда появилась скорбная процессия. Чарльз спешил и снял шляпу в знак уважения к почившему графу и его родственникам. Он стоял в стороне молчаливым наблюдателем, пока слуги помогали близким покойного усесть в ожидающие экипажи. В это тревожное время лишь несколько знатных знакомых отважились приехать на похороны графа.

Взгляд Чарльза привлекла величественная и статная женщина, которая могла быть только графиней. За нею следовали еще две женщины, как и она, одетые во все черное, с молитвенниками в руках, затянутых в черные перчатки. Хотя их лица были скрыты вуалью, было видно, что обе женщины юного возраста. Чарльз обратил внимание на более высокую: девушка была очень стройной, и что-то в ее манере держаться показалось ему смутно знакомым.

Он проследил за их отъездом и, сочтя неприличным помешать поминальному обеду и скорби графини, вернулся на постоянный двор, решив появиться в замке на следующее утро. Но задерживаться дольше он не мог. Каждый лишний день его пребывания во Франции был чреват арестом и даже казнью. Он должен покинуть страну как можно скорее.

Следуя за вышколенным лакеем в напудренном парике и темно-синей ливрее вверх по широкой мраморной лестнице, Чарльз поражался изысканному убранству замка Феро, соответствующему французскому стилю XVIII века. Позолоченный орнамент украшал потолки, на стенах висели старинные гобелены, бесчисленные высокие зеркала придавали помещениям простор и словно наполняли его воздухом, тончайший фарфор, тяжелые шелка, пушистые ковры и сияющие бронзой канделябры дополняли убранство.

Из длинного коридора его ввели в зал с высоким сводчатым потолком, обставленный со всей элегантностью, подо-

бающей семье аристократического происхождения. Мебель по моде правящего Людовика XVI была легкой и изящной, хрустальные подвески канделябров отражали пламя в камине и бросали отблески на все огромное помещение.

Графиня – англичанка, вышедшая замуж за графа Феро, с которым познакомилась во время пребывания во Франции со своими родителями, – одна принимала его. Это была чопорная дама средних лет, худая, седовласая, с очень бледным и суровым лицом. Облаченная по случаю траура в черное шелковое платье с глухим воротником, она своим видом внушала трепет и почтение. При появлении Чарльза она поднялась со стула с высокой гнутой спинкой и невозмутимо ждала, когда он приблизится. Лицо ее не выражало ни малейшей скорби по поводу кончины супруга, только холод и сдержанность. Графиня никогда не любила мужа и скорее терпела его.

Остановившись перед нею, Чарльз низко поклонился и, подняв голову, встретил холодный изучающий взгляд ее светлых глаз. Он мгновенно понял, что она была из тех аристократов, которые скрывают свои чувства под маской приличия, из тех, кто способен заморозить человека взглядом или равнодушно пройти мимо.

– Благодарю вас за согласие принять меня, графиня, – произнес он на безукоризненном французском языке. – Позвольте мне выразить вам глубокое сочувствие в связи с понесенной вами утратой.

– Добро пожаловать в замок Феро, сэр Чарльз Осборн! – С англичанином графиня предпочла говорить по-английски, ее голос звучал резко и четко.

– Прошу вас, графиня, говорите со мной по-французски, – попросил ее Чарльз. – Времена сейчас трудные, а слухи все слышат и слишком много рассуждают.

– Как пожелаете, – сухо ответила она.

– Прошу извинить меня за неуместный визит. Я ничего не знал ни о болезни графа, ни о его кончине.

– А вы и не могли об этом знать. Все произошло совершенно неожиданно. Вы приехали по поручению полковника Уинстона? – осведомилась она, опускаясь на стул и величественным жестом предлагая ему занять место напротив.

– Именно так, графиня, чтобы сопровождать в Англию вашу племянницу, мисс Монктон.

– Я ожидала вас.

– Полковник Уинстон сказал, что он напишет вам, чтобы уведомить вас о моем приезде и моей миссии. Вы получили его письмо?

– Да, несколько недель назад. Правда, мы ожидали вас несколько раньше.

– Я не смог приехать сразу же. Недавние события крайне затрудняют поездки. Кроме того, мне пришлось уладить кое-какие свои дела.

– Вы были в Париже?

– Я приехал прямо из столицы.

– Действительно все обстоит так плохо, как рассказывают?

Он мрачно кивнул:

– С каждым днем мятеж приобретает все больший размах и жестокость. Дворяне бегут из города и из Франции, если им это удастся.

– В таком случае, сэр Чарльз, мы должны благодарить Господа, что живем не в Париже. Итак, полковник Уинстон уже покинул Индию. – Она сложила бледные худые руки на коленях, и лицо ее несколько смягчилось.

– Да, он находится в Англии уже полгода.

– И мечтает возобновить знакомство с Марией, как он говорит в письме. Он думает, что и дальше откладывать свадьбу нет нужды, да и неприлично. Вы, должно быть, хорошо его знаете. Полагаю, вы пользуетесь его уважением и доверием, поскольку он решился возложить на вас ответственность сопровождать в Англию свою невесту.

– Мы с ним отнюдь не друзья, графиня, – поспешил возразить Чарльз. Генри Уинстон вовсе не был человеком, которого ему приятно было бы назвать своим близким другом. – Всего лишь знакомые, не более того.

– Понимаю. – Графиня внимательно посмотрела на него. – Вы не одобряете полковника Уинстона?

– Дело не в моем одобрении, графиня. Просто мы с ним довольно редко встречались.

– Тем не менее он попросил привезти Марию именно вас.

– Некоторые личные обстоятельства не дают ему возможности самому сопровождать мисс Монктон. Я приезжал сюда навестить своих родных – моя матушка француженка, родилась на юге. В Англии все крайне встревожены слухами, поступающими с материка, и я очень беспокоился за моих родственников.

– Ваша матушка по-прежнему живет во Франции?

– К счастью, нет. Она вышла замуж за англичанина, моего отца, и после его смерти предпочла остаться в Англии. Полковник Уинстон беспокоился, как бы Мария не пострадала от нынешних событий, и очень хотел выволить ее отсюда. Когда он узнал, что я собираюсь во Францию, он обратился ко мне с просьбой доставить ее в Англию.

– И вы согласились, хотя никогда ее не видели.

– Видите ли, графиня, мой отец и сэр Эдуард Монктон были друзьями на протяжении многих лет. Они вместе служили в Индии. Я помню его как прекрасного и очень благородного человека. Кроме того, я у него в огромном долгу.

– Расскажите о нем.

– Когда я был маленьким, мы с матушкой пересекали реку во время наводнения, и волны опрокинули нашу лодку. Сэр Эдуард, рискуя своей жизнью, бросился нам на помощь. Если бы не его отвага, я не сидел бы здесь сейчас перед вами. Именно поэтому я согласился сопровождать мисс Монктон. В Индии мне несколько раз довелось встретиться с полковником Уинстоном. Он не делал тайны из того, как легко уда-

лось ему уговорить сэра Эдуарда на помолвку его с Марией, и находил это весьма забавным. Чувствуя себя обязанным защищать дочь сэра Эдуарда, я счел своим долгом воспрепятствовать ее браку с полковником Уинстоном – когда придет время. У нее есть какие-либо причины возражать против отъезда из Франции?

– Отнюдь, – кратко ответила графиня. – Мария только и говорит о том, чтобы вернуться домой и стать женой полковника Уинстона.

– Она не видела его шесть лет и найдет сильно изменившимся.

– Как и он Марию. Она уже не ребенок.

– А вы сами, графиня? Не желаете ли с дочерью уехать в Англию вместе с нами?

Графиня несколько секунд смотрела на него в упор, раздумывая, что заставило его задать такой вопрос.

– Я не ошибаюсь – вы действительно хотите уговорить меня покинуть мою Францию?

Легкая улыбка Чарльза промелькнула на лице.

– Вы правы, графиня, и я искренне надеюсь, что мне это удастся. Сочту за честь сопровождать также и вас с дочерью. Франция находится на краю великих потрясений, с каждым днем ситуация все более обостряется. В стране нет порядка, повсюду царит хаос. Я убежден, что вам грозит смертельная опасность, что вы рискуете своей жизнью, – признаться, не хотел бы я сейчас быть дворянином во Франции. Очень ско-

ро вы можете оказаться в полном одиночестве, без друзей и без поддержки, и кто знает, что тогда может случиться!

– Полагаю, вы сильно преувеличиваете. – Графиня тонко улыбнулась. – До меня доходят слухи о том, что происходит вокруг, – большинство из них, разумеется, полный вздор. Мой муж придерживался мнения, что эти слухи распространяют специально, чтобы спровоцировать беспорядки и привести страну к анархии. Сообщения о тайных заговорах и преступлениях, о надвигающейся катастрофе появляются везде – и в разговорах, и в газетах. Паникеров – вот кого действительно следует опасаться.

Чарльз нахмурился.

– Хотел бы я надеяться, что ошибаюсь, но, к сожалению, вероятность этого очень мала. Я останавливаюсь на постоянных дворах и слышу, о чем говорят люди. В частности, говорят, что один из ваших слуг убежал и присоединился к мятежникам. Крестьяне так возбуждены и настолько агрессивны настроены, что способны совершить любое злодеяние. И в вашем же приходе не скрывают намерения поджечь замок. Прошу вас, если вы не боитесь за себя, подумайте хотя бы о вашей дочери!

Графиня высокомерно взглянула на него.

– Констанс останется здесь, со мной.

– Поймите, графиня, то, что вы англичанка, не спасет вас. Английские законы здесь не действуют. Вы были супругой графа. Люди только это и видят.

– Вы хотите сказать, что нам следует немедленно ехать – спасаться бегством?

Он кивнул:

– Без всяких сомнений. На этот случай я взял на себя смелость достать поддельные документы.

Графиня удивленно подняла брови:

– Даже так? Как это вам удалось?

– Я знаю нужных людей, – коротко ответил он.

– Понимаю. Что ж, я не стану допытываться, как делаются подобные вещи, но должна вам сказать, что вы напрасно тратили свое время. Ну, а разве путешествовать не опасно? Возможно, надежнее будет остаться дома?

– Сейчас безопасности нет нигде, а меньше всего ее – в замках Франции.

– Никто не посмеет напасть на замок. Я знаю здешних людей. Они всегда получали от нас средства на жизнь и будут относиться к нам по-прежнему.

Господи, дай мне сил, взмолился в душе Чарльз, стиснув зубы. Графиня даже не представляла, какая ужасная судьба может постигнуть ее и ее дочь. Его так и подмывало спросить: о каких средствах на жизнь она говорит? Да знает ли она, что ее крестьяне голодают по вине непомерных налогов, которые взыскивают с них по требованию подобным ей надменным аристократам и которые по большому счету и за людей-то их не считают?! Но вместо этого он сказал ровным и спокойным голосом, словно уговаривал капризного ребенка:

– И все же, поскольку вы знатного рода, я настоятельно советую вам бежать из страны.

– Это мой дом. Я чувствую себя здесь в полной безопасности и спастись бегством не намерена! Если дела пойдут плохо, тогда, конечно, я подумаю об отъезде. Но я уверена, что до этого не дойдет.

Губы Чарльза дрогнули в снисходительной улыбке, но взгляд светло-серых глаз оставался жестким. Можно ли было более явно продемонстрировать презрение к страданиям людей? Графиня не замечала, с каким возмущением обреченный на голод и жестокие лишения народ наблюдает роскошную жизнь плутократов.

– Графиня, если вы не хотите, чтобы в скором времени ваши друзья вынуждены были присутствовать на ваших похоронах, предлагаю вам ехать с нами.

– Такими безрассудными речами, сэръ, вы только раздуваете огонь недовольства. Простите, но я уже приняла решение.

Чарльз нетерпеливо пошевелился на стуле, стараясь скрыть свое раздражение и видя, что только напрасно тратит свои усилия, – графиня не собиралась сдавать позиции. Она упорно отказывалась видеть происходящие вокруг зверства и, следовательно, вела себя крайне глупо и неосмотрительно.

– Очень сожалею, графиня. Все же я оставлю вам бумаги, на случай если вам придется спастись уже без меня, но тогда вы будете вынуждены бежать под видом крестьян. Предупре-

жду, это очень трудно, вы должны будете все предусмотреть и прибегнуть к помощи людей, которым вы безоговорочно доверяете. Без этих предосторожностей вы не сможете благополучно добраться до Канала¹. И вы, конечно, понимаете, что мисс Монктон будет чувствовать себя очень одинокой, когда в Англии она окажется в полной зависимости от полковника Уинстона.

Графиня надменно взглянула на него:

– Поскольку он ее жених, не нахожу в этом ничего необычного.

– И вас это не беспокоит?

Казалось, графиня слегка растерялась, встретив его настойчивый взгляд.

– Не беспокоит? Да с тех пор, как у Марии умер отец, она только и мечтает об этом замужестве! Почему это должно меня беспокоить?

– Потому что сэр Эдуард возложил на вас ответственность за ее судьбу. Вы – ее опекун. Разве вы не хотите сами увидеть человека, с которым она обручена?

– В этом нет необходимости. Я выслушала, что вы сказали, но знаю, что полковник Уинстон – джентльмен, известный долгой и почетной службой в Ост-Индской компании. Он в высшей степени достоин стать мужем моей племянницы.

– Но как вы можете быть уверены в этом, если никогда его

¹ Пролив Ла-Манш, который называют также Английским каналом или просто Каналом.

не видели? – настаивал Чарльз.

– Его хорошо знал отец Марии, мой зять. Он одобрял полковника Уинстона и доверял ему настолько, что согласился на их обручение. Для меня этого более чем достаточно.

– Прошу простить меня, графиня, но, когда сэр Эдуард давал свое согласие, он был тяжело больным человеком. Я думаю, он и не подозревал о необузданной страсти полковника Уинстона к сомнительным развлечениям – к выпивке и рискованной игре в карты. Поверьте, я говорю правду. К тому же полковнику уже около пятидесяти, он годится в отцы вашей племяннице.

Это не поколебало графиню.

– Не вижу ничего необычного в том, что молодая леди выходит замуж за пожилого джентльмена. А что касается его склонности к выпивке... Известно, что все мужчины пьют, порой даже чрезмерно, и соответственно ведут себя. Но женам не следует делать из этого проблему. Мой зять доверил Марию моей опеке, пока она не достигнет совершеннолетия, когда сможет стать женой полковника Уинстона. Сейчас ей девятнадцать лет, и она будет под вашим покровительством до тех пор, пока вы не доставите ее к жениху. Когда она покинет замок, я буду считать свои обязательства перед нею выполненными.

Чарльз долго всматривался в ее лицо потемневшими от гнева глазами. Он поверить не мог, что графиня так небрежно и бессердечно сбросит с себя обязательства перед безза-

щитной круглой сиротой, своей племянницей, с таким равнодушием отправит ее во власть человека, от которого ей не приходится ждать доброго и бережного отношения. Это было все равно что отправить овечку прямо в логово волка.

Прискорбно, что суждение отца мисс Монктон о ее будущем женихе оказалось таким ошибочным. Он не смог разглядеть того, что довелось видеть Чарльзу – расчетливое, жестокое выражение в глазах полковника. Видимо, в те дни у него было тело Адониса и лицо ангела, за которыми ловко скрывалась его порочная и подлая натура.

– Вы не должны забывать о солидном состоянии мисс Монктон. Перспектива уйти в отставку богатым человеком и обосноваться в Грейвли чрезвычайно соблазнительна для тщеславия полковника Уинстона. Он спустит состояние вашей племянницы в ту же минуту, как только наложит на него руки. Полковник Уинстон оставил Ост-Индскую компанию с позором – произошел отвратительный скандал, связанный с его пренебрежением к долгу, в результате чего погибло много людей.

– В таком случае он, вероятно, сделал для себя серьезные выводы, – небрежно ответила графиня.

– Увы, на следующий день его обнаружили в публичном доме напившимся до бесчувствия.

– Понимаю. Я буду вам признательна, сэр Чарльз, если вы не станете говорить моей племяннице о... о неприятных привычках полковника Уинстона, хотя лично меня они не

беспокоят. Вы понимаете, не так ли?

Чарльз все понял и преисполнился негодованием. Он видел, что графиня не любит свою племянницу и готова отправить ее куда угодно, не испытывая ни малейших угрызений совести, что ей не терпится от нее избавиться, она и не думает обременять себя беспокойством по поводу дальнейшей судьбы девушки.

– Простите меня, графиня, если я скажу, что вы слишком наивны. Я сообщил вам факты, но вы предпочли игнорировать их. Больше я ничего не могу сделать. Но если не помещать браку юной девушки с таким человеком, он очень быстро погубит ее.

Видимо, для графини был неожиданным его жесткий тон и откровенное высказывание, и она с возмущением выпрямилась.

– Сэр, вы преувеличиваете. Я знаю свою племянницу, – холодно заявила она. – Если вас беспокоит, что она будет делать, добравшись до Грейвли, то это напрасный труд. Она разумная и такая же уравновешенная девушка, какой была ее мать. В Англии она сама подумает и решит, выходить или нет за полковника Уинстона, и, я уверена, выйдет за него. Что касается полковника Уинстона, он не станет терять время и сразу на ней женится.

Чарльз, который повернул голову к двери, услышав какой-то шум, круто обернулся к графине, глубоко возмущенный ее равнодушием.

– Именно по этой причине я и надеялся, что вы поедете вместе с ней! – воскликнул он в гневе. – Я мало что знаю о мисс Монктон, но из ваших слов я сделал заключение, что она питает романтическую и детскую привязанность к этому человеку. Вы могли бы защитить и поддержать ее, когда она обнаружит – а это непременно произойдет, – что брак с полковником Уинстоном для нее невозможен.

Графиня встретила его взгляд с холодной улыбкой.

– Думаю, вам следует познакомиться с моей племянницей. Она сама скажет вам, как ей не терпится вернуться в Англию. Прошло уже шесть лет с тех пор, как скончался ее отец и она покинула Грейвли.

– И более шести лет, как она видела полковника Уинстона!

– Да, но, как я сказала, она сама примет решение.

– Что я всегда и делаю, тетушка, – прозвенел в комнате женский голос.

Чарльз обернулся – в дверях стояла девушка.

Чарльз встал ей навстречу и узнал в ней ту, что накануне раздавала еду деревенским ребятишкам. Тихо притворив за собой дверь, она двинулась к ним. Он был очарован ее непринужденно-горделивой осанкой, ясным свежим лицом в обрамлении аккуратно забранных назад иссиня-черных волос. Лицо ее хранило бесстрастное выражение, но он догадался, что она кое-что слышала из их беседы с графиней и глубоко возмущена в душе.

– Сэр Чарльз, позвольте представить вам – это Мария, будущая супруга полковника Уинстона. Мария, познакомьтесь с сэром Чарльзом Осборном. Он будет сопровождать вас в Англию.

Чарльз слегка поклонился и произнес несколько подобающих случаю слов. Но, подняв голову, встретил ее взгляд, полный холодного любопытства и настороженности. Ему почудилось, что зеленые глаза Марии смотрят ему прямо в сердце. Он не видел глаз, обладающих большей притягательной силой и проницательностью.

Она заговорила, и он осознал всю глубину ее очарования. У нее был низкий, очень приятный, богато интонированный голос, и слышать ее французский было просто отрадой. Все в ней казалось милым и неотразимым, и Чарльз с внезапно проснувшимся интересом вглядывался в умные лучистые глаза девушки.

Мария узнала в нем мужчину, с которым столкнулась накануне в деревне, и насторожилась.

– Вы? Так вы и есть тот человек, которого послал за мной полковник Уинстон?

– Он не послал меня, мисс Монктон. Он спросил меня, не соглашусь ли я сопровождать вас, когда услышал, что я еду во Францию.

По выражению его глаз она с досадой поняла, что он почувствовал ее неприязнь и что это его забавляет.

– Понимаю. Не знаю, что вы имели в виду, когда сказали

моей тете, что в Англии я найду невозможным выйти замуж за полковника Уинстона, и не желаю это знать. Но против моей воли он не заставит меня стать его женой. Этого никто не в состоянии сделать, сэр.

– Он... Он очень изменился с тех пор, как вы видели его в последний раз. Вы должны быть готовы к этому.

– Но ведь и я изменилась, – с живой ясной улыбкой возразила она. – Этого и следовало ожидать после шести лет!

– Я говорю серьезно, мисс Монктон.

Мария слушала его с растущим раздражением. Она готова была многое ему сказать, но только не под бдительным оком тетки, ловившей каждое ее слово. Самоуверенные манеры и властный взгляд Чарльза не понравились Марии, но слова его заставили ее вспомнить о собственных сомнениях относительно брака с Генри.

В последнее время в душе ее зародились смутные подозрения относительно жениха. Возможно, потому, что, повзрослев, она стала более критично оценивать содержание его писем, которые раз от раза оказывались все более краткими и, судя по почерку, писались наспех. Создавалось впечатление, что переписка с нею была для него скорее тягостным долгом, чем радостью. Как бы то ни было, прежнее восхищение полковником Уинстоном постепенно ослабело.

Но не станет же она открывать свои сомнения этому надменному англичанину!

– Вам не нравится полковник Уинстон, не так ли, сэр?

– Нет, – честно признался он, – не нравится.

– Ситуация в стране сейчас тревожная. Уверена, у вас есть более важные дела, чем сопровождать совершенно незнакомую вам женщину через всю Францию.

– У меня действительно есть важные дела, которые меня занимают.

– Но если полковник вам не нравится, почему же вы согласились выполнить его просьбу?

– Одна из причин состоит в том, что наши с вами отцы были очень близкими друзьями. Они вместе служили в Индии.

– О! Понимаю. Я... Я этого не знала.

– Но как вы могли знать?

– А другие причины?

Чарльз улыбнулся:

– Их несколько, и я расскажу вам о них во время нашего путешествия. Когда я узнал, что вы должны вернуться в Англию, я с радостью предложил свои услуги, сознавая трудности, с которыми вам придется столкнуться. Будь жив мой отец, иного отношения к дочери своего давнего и любимого друга он и не ожидал бы.

– В таком случае, сэръ, я вам очень благодарна. С удовольствием предоставляю себя вашему покровительству и защите на время поездки. Как мы поедем?

– В карете.

– Ее предоставит вам замок Феро, – с величественным ви-

дом заявила графиня.

– Благодарю вас, графиня, но я вынужден отказаться от вашего предложения. Это должен быть обычный экипаж, никакой роскоши, понимаете? Я сам достану коляску и двух почтовых лошадей. В вашем багаже не должно быть вещей, которые могли бы вас выдать, – приказным тоном объявил он Марии. – Вам придется расстаться со всеми нарядными платьями и драгоценностями.

– У меня нет драгоценностей, сэр. Все, что у меня есть – украшения, доставшиеся мне от матери, – они находятся в Англии, в сейфе Грейвли.

– Тем лучше. Мы отправимся под видом супругов – граждан Шарля и Мари Дюваль, которые едут навестить родственников в деревню неподалеку от Кале. Разговаривать будем только на французском. Если от нас услышат английскую речь, последствия могут быть самыми ужасными. Мы с вами свободно владеем французским, поэтому, если нас остановят, никто не заподозрит, что мы не те, за кого себя выдаем. Будьте любезны запомнить вашу новую фамилию. Вы должны будете надеть простое платье, соответствующее положению жены скромного торговца одеждой. По дорожному платье люди сразу распознают в вас богатую аристократку.

– А моя горничная?

– Она останется здесь.

Она удивленно выгнула тонкие брови:

– Все это крайне странно и необычно!

– Но и обстоятельства нашего путешествия нельзя назвать обычными!

– Тем не менее Мария не может отправиться с вами одна, без горничной. Это... это просто невыносимо! – воскликнула шокированная графиня.

– Ничего не поделаешь, придется подчиниться обстоятельствам. Позвольте заметить, графиня, я обсуждаю не приглашение на вечерний чай, а пытаюсь осуществить план, который позволит мне благополучно доставить в Англию вашу племянницу. В данном случае считаться с этикетом и приличиями не приходится.

– Когда мы должны ехать? – спросила Мария.

– Утром. Вам необходимо немедленно собраться и подготовиться к путешествию, обязательно запаситесь провизией и теплой одеждой. – Чарльз обратился к графине: – Мне нужно идти. На рассвете мисс Монктон должна быть на постоялом дворе. Будет лучше, если слуги не будут знать о ее отъезде. В целях нашей безопасности возница будет знать только наши вымышленные имена.

Почтительно простившись, он зашагал по коридору к лестнице. Услышав сзади легкие шаги и шелест платья, он обернулся и увидел спешившую к нему мисс Монктон.

Глава 2

– Вы хотите спросить что-нибудь о путешествии? – осведомился Чарльз.

– Нет. Я насчет полковника Уинстона. Почему он вам так не нравится?

Дружелюбное участие в его глазах уступило место жесткому выражению.

– Сейчас моя неприязнь к нему не имеет значения, полковник Уинстон меня не интересует. Вы могли хотя бы проявить благодарность человеку, который пытается вам помочь?

– Да, конечно, я вам очень благодарна, и с моей стороны дурно было не сказать об этом. Я прошу прощения, но, пожалуйста, не говорите при мне плохо о полковнике Уинстоне.

– Я не буду этого делать и не стану оскорблять вашего слуха вещами, которые вы просто не способны понять. Но я убедительно рекомендую вам не выходить за него замуж.

Мария вспыхнула от гнева.

– И это говорите вы – человек, которого я совершенно не знаю! – Заметив в его глазах негодование, она высокомерно выпрямилась и огля его презрительным взглядом. – Мой отец отлично разбирался в людях и считал его порядочным человеком. В противном случае он никогда бы не согласился

на нашу помолвку.

– А вы, мисс Монктон? Насколько хорошо вы знаете вашего жениха?

– Мне пришлось узнать его по письмам.

– Вряд ли это можно сравнить с личным знакомством.

– Для меня и этого достаточно.

Чарльз вздохнул и отвернулся.

– Кто способен понять, что руководит женским сердцем?

Во всяком случае, – продолжал он сурово, оглянувшись на нее, – ваш жених не достоин того, чтобы стать супругом девушки, принадлежащей к древнему аристократическому роду, но, разумеется, это не мое дело. Я свое мнение высказал. И в данный момент больше ничего не могу сделать.

Красивое лицо ее побледнело от гнева, она подняла руку, намереваясь дать ему пощечину, но он мгновенно схватил ее за кисть. Мария не ожидала такой молниеносной реакции, и, к ее крайнему возмущению, он вдруг рассмеялся, видя ее растерянность.

– Я вижу, что недооценил вас. Вероятно, вы станете очень подходящей парой полковнику Уинстону. – Выпустив ее руку, он круто повернулся и зашагал к выходу.

– Еще одно, сэр! – вслед ему сказала она, ладонями пытаюсь остудить пылающие щеки. – Я слышала, вы сказали тете, что я питаю к полковнику Уинстону романтически-детскую привязанность. Как вы смеее это утверждать?

Чарльз стиснул челюсти, добродушное настроение его

сразу сменилось раздражением. Эта девица возомнила, что сумеет подчинить его своей надменностью! Обозленный больше на себя, чем на нее, он нашел выход в гневе.

– Больше я ничего вам не стану говорить, но тем хуже для вас. Доставлю вас в Англию, сдам с рук на руки полковнику Уинстону, и делайте с ним, что хотите. Но только не ждите от меня пожелания счастья в этом браке!

Охваченный холодным бешенством, Чарльз решил больше не пытаться помешать этой свадьбе. Он несколько лет провел на военной службе в Индии и вынужден был вернуться в Англию, получив известие о смерти отца. Его возвращение по времени совпало с началом беспорядков во Франции. Тревожась о своих французских родственниках, мать просила его навестить их и узнать, не нужна ли им помощь. Узнав об этом, один известный член оппозиции из партии вигов предложил ему выполнить секретное поручение: собирать информацию и посылать сообщения о ходе событий в соседней стране. Чарльз был рад услужить старому другу и согласился.

Пребывание в охваченной бунтами и мятежами стране показало ему всю серьезность опасений политиков за стабильность в Европе, на этом фоне проблема невесты полковника Уинстона не могла полностью поглотить все его внимание. Он выполнил данные ему поручения, сделал солидный крюк, чтобы забрать в Эльзасе мисс Монктон, и поступил так, как диктовал ему долг – сообщил ее опекушке о некото-

рых сомнительных чертах характера полковника Уинстона. На этом он считал свой долг выполненным, и совесть его была чиста. Сейчас он понял, что, несмотря на юный возраст, мисс Монктон обладает сильным характером и решительностью, так что сумеет разорвать помолвку и без посторонней помощи, если сочтет это нужным.

С первыми лучами солнца Мария прибыла на постоянный двор на своей любимой лошади, которую затем грум должен был вернуть в замок. Она спустилась на землю и увидела темный силуэт человека, молча приближающегося к ней. Сегодня Чарльз показался ей выше ростом, более худощавым, стать и движения его вкрадчивыми и одновременно решительными. Если бы не уверенная властность тона и не презрение в холодных глазах, Мария сочла бы его очень привлекательным.

Проведя Марию в пустой еще общий зал гостиницы, Чарльз внимательно оглядел ее и убедился, что в скромном черном платье, которое отдала ей горничная вместе с другими необходимыми вещами, аккуратно уложенными в дорожный саквояж, она не привлечет к себе нежелательного внимания.

– Идемте, уже пора.

Их уход остался незамеченным. Как только они вышли наружу, обрушившийся на них порыв ветра с дождем привел Марию в радостное возбуждение. Ветер нес с собой запах

свободы, Англии и дома, и неожиданно ее побег приобрел особый смысл.

Когда Чарльз Осборн сообщил ей о предстоящем путешествии, прежде всего она обрадовалась возможности вернуться домой. Но теперь, подставляя лицо ветру и струям дождя, она бурно ликовала, что отныне порывает все связи с замком Феро, с его угрюмыми и самодовольными обитателями, с Францией, которую она так и не смогла полюбить и где ее никто не любил. Закинув голову назад, она весело засмеялась, готовая лететь в милую Англию на крыльях этого буйного ветра.

Чарльз изумленно посмотрел на нее:

– Я думал, что вы боитесь. Нас ждет не увеселительная прогулка, а опасное и утомительное путешествие.

– Меня это не пугает, – с беспечным смехом откликнулась она. – Я люблю ветер. И я счастлива! Ведь я возвращаюсь домой, о чем так долго мечтала.

Суровое лицо Чарльза потеплело.

– Понимаю. Идемте уж... женушка.

В его глазах появились лукавые искорки, и Мария кинула на него настороженный взгляд.

– Только на время поездки до Кале! – строго предупредила она, возмущенная тем, что Чарльза совершенно не трогает ее явно недоброжелательное отношение к его персоне.

Но, несмотря на все ее старания сохранять холодный и непрístupный вид, сердце у нее взволнованно заколотилось.

– Надеюсь, вас не слишком огорчает мысль, что вам придется быть со мной наедине не один день, – сказал он, беря ее за руку, чтобы посадить в экипаж.

– С какой стати? – Мария задержалась на ступеньке и насмешливо взглянула на него. – Конечно, если только вы не какой-нибудь тайный разбойник.

– Что вполне возможно, – признал Чарльз и, поднеся ко рту нежную, изящную ручку своей фиктивной супруги, коснулся ее теплыми губами.

У Марии на мгновение перехватило дыхание. Резко выдернув руку, она подхватила платье и поднялась в коляску, в то время как он почтительно поддерживал ее под локоть. Стараясь овладеть собой, она опустила на сиденье.

– А вы можете оказаться в опасном положении. Давно уже я не встречал столь соблазнительной женщины, – с дразнящей улыбкой произнес он своим сочным баритоном.

На мгновение Мария невольно поддалась очарованию этой улыбки и мелодичного голоса. Затем внимательно посмотрела на него, стараясь понять, что стоит за его заявлением, и многозначительно подняла брови.

– Пожалуй, следует предостеречь вас, что в случае необходимости я сумею за себя постоять.

Чарльз в этом не сомневался – это доказывала ее вчерашняя, правда неудавшаяся, попытка дать ему пощечину. Желая успокоить ее опасения, он рассмеялся:

– Убежден, вы отлично с этим справитесь, так что спешу

вас заверить в моих исключительно благих намерениях. И с вами я буду вести себя так же, как вел бы со своей настоящей женой – с крайним уважением и почтительностью.

Мария настороженно следила за тем, как он поднимается в коляску, но, к ее облегчению, он уселся напротив. Поймав ее взгляд, он усмехнулся:

– Опасаясь, что близость к вам совершенно расстроит мои благие намерения, я почел за лучшее расположиться здесь.

Видя, что Чарльз не собирается подвергать испытанию ее стойкость, девушка удобно прислонилась к высокой мягкой спинке сиденья.

Экипаж был скромным и неброским, помимо наемных почтовых лошадей ничто не указывало на богатство седоков. Возница Пьер Ламон, который знал их под вымышленными именами и получил солидную сумму денег за дорогу до Кале, чмокнул губами, взмахнул кнутом, и лошади тронулись с места. Они выехали за ограду постоянного двора, и их долгое путешествие в Грейвли началось.

Мария без сожалений оставляла замок Феро. Однако, несмотря на холодную сдержанность своих родственниц, она испытывала легкие угрызения совести. Тетка до самой последней минуты не проявила никаких чувств и даже не обняла племянницу на прощание, но Констанс ее неожиданно поразила.

Кузина порывисто бросилась к ней и со слезами на глазах

замерла у нее на груди. Мария почувствовала, как она дрожит, и только тогда поняла, что бедняжка отчаянно боится оставаться в замке и с радостью поехала бы с ней в Англию.

В то краткое мгновение Мария увидела в Констанс не свою эгоистичную кузину, которая меч тала только о том, чтобы своим хорошеньким личиком заманить жениха из знатного и богатого рода, а просто испуганную молодую девушку. Мария прижимала ее к себе, удивленная тем, что у нее самой стиснуло горло и слезы подступили к глазам.

– Мне хотелось бы уехать с тобой, – шепотом призналась Констанс, подтвердив ее догадку, – но мама не хочет об этом и слышать.

– Тогда не слушай ее, Констанс.

– Я не могу! Не могу уехать без нее.

– Мне тоже хочется, чтобы ты уехала со мной, – взволнованно сказала Мария. – Если тебе удастся убедить ее и вы сможете выбраться из Франции, приезжайте ко мне в Грейвли. Обещаешь?

Констанс с плачем еще раз прижалась к Марии, затем оторвалась от нее и убежала в дом.

Мария отвернулась, стараясь не думать о том, что ожидает кузину.

Лошади побежали рысью, коляска стала сильно раскачиваться, и Мария схватилась за ременную петлю, свисавшую сбоку от окна. Поглядывая на своего спутника, она вдруг сообразила, что впервые в жизни ей предстоит находиться

наедине с мужчиной, к тому же молодым, очень красивым, сильным и дерзким, что внушало ей тревогу.

Она ничего не знала о Чарльзе и вдруг задалась вопросом: собственно, что он делает во Франции в такое время? Она не очень понимала, почему доверилась ему и почему этот незнакомец настолько в ней заинтересован, что проехал пол-Франции, чтобы найти ее. Не руководят ли им какие-нибудь скрытые мотивы? Уж не шпион ли он? Но британский или французский? Она не могла решить, поскольку не имела никакого представления о шпионаже.

Возможно, за время поездки ей удастся вовлечь его в разговор о себе. Этот таинственный англичанин одновременно и привлекал, и интриговал ее. Она взглянула ему прямо в глаза и смутилась. Он понимающе улыбнулся.

– Впереди у нас долгий путь, – сказал он, – так что советую вам не осложнять его ненужными опасениями. Эти несколько дней нам придется провести вместе, и вам лучше просто примириться с этим. Не заключить ли нам перемирие на время поездки?

– Да, пожалуй, это имеет смысл, – согласилась Мария.

– И еще мы должны забыть о церемониях и называть друг друга нашими новыми именами. Вы понимаете, что это из соображений безопасности.

– Разумеется. – Она сняла капор и положила его рядом на сиденье.

– Мне очень жаль, что графиня и ее дочь отказались ехать

с нами.

– Вы думаете, на замок могут напасть? – встревожилась Мария.

– Я в этом почти уверен, вопрос только – когда это произойдет. Но ваша тетушка удивительно упряма.

– Да, да, вы правы. Я так надеюсь, что с ними ничего не случится! – Мария перевела взгляд на знакомые окрестности. Но скоро они окажутся в местах, где ей не приходилось бывать. – Не нравится мне Франция, – уныло призналась она.

– Мне кажется, вы не были счастливы в замке Феро?

– Не хочу показаться неблагодарной и бессердечной, но я действительно дожидаться не могла, когда его покину. Там не было ни тепла, ни радости, ни веселья, ни смеха.

– А вы любите посмеяться, не так ли?

– Да, хотя я так долго жила в замке, что, боюсь, даже забыла, что это такое.

Глаза Марии весело вспыхнули, и она вдруг засмеялась, просто потому, что никто ее за это не осудит, и внезапно почувствовала, как спадает угнетавшее ее напряжение.

Чарльзу было приятно, что она оказалась такой храброй, непосредственной и милой. Несмотря на юность и неискренность, она была не из пустых и легкомысленных девиц, легко теряющихся перед первым же препятствием.

– Вам следует чаще смеяться, – добродушно посоветовал он. – Это вам идет.

Мария вздохнула:

– Теперь во Франции нечему радоваться. Как вы думаете, насколько опасна ситуация? Вы были в Париже?

Он кивнул.

– Там очень плохо?

– Я видел много жестоких и кровавых схваток между людьми. И задавался вопросом: куда девались достоинство, самообладание и твердость французов? Но недовольство народа очень велико, и для этого есть серьезные основания – высокие цены на продукты, на жилье и непосильные налоги. То, что они добиваются изменений, вполне естественно и справедливо. Должен признаться, я с ними полностью согласен. Требования людей должны быть услышаны и выполнены. Нужно отменить привилегии, установить налоги в соответствии с достатком людей.

Мария с интересом смотрела на него.

– А что еще?

– О, многое. Еще многое необходимо сделать.

– Вы говорите как политик. Вы и есть политик?

– Нет, – улыбнулся он.

– Что же вы тогда делаете?

– А я обязательно должен что-то делать?

– Думаю, безделье вам не по душе. – Она выглянула в оконце. – У вас должно быть какое-нибудь дело.

– Так оно и есть.

– Какое же?

– Да, так, то одно, то другое, – небрежно повел он плечами.

– Вы хотите сказать, что имеете свое дело?

– В некотором роде.

– А оно достойное?

Ее вопрос заставил Чарльза весело улыбнуться.

– В высшей степени достойное, – заявил он, – но если я все сразу расскажу, то нам больше не о чем будет говорить, а впереди еще долгий путь.

– Может, вам мой вопрос покажется странным, но мне очень важно услышать ответ. Раз уж меня доверили заботам совершенно незнакомого мне человека, вполне естественно, что я хочу знать о нем как можно больше.

Он иронически поднял бровь.

– Так уж и все? – вкрадчиво уточнил он, и Марии показалось, будто в нем проснулся спящий зверь.

Не ожидая такой реакции, она смутилась и отвела взгляд в сторону, но затем справилась с собой и снова прямо посмотрела на него.

– Не хочу вас обидеть, но я вас совсем не знаю, как же мне узнать, могу ли я вам доверять?

– Чего именно вы опасаетесь? Что я не достоин чести сопровождать вас в Англию?

– Мою осторожность можно понять. Будь вы на моем месте, разве вы не потребовали бы каких-то гарантий своей безопасности? Мне непонятно, с каких это пор деловой че-

ловек рискует своей жизнью, прибыв в страну, раздираемую бунтами и мятежами?

– А если у него здесь родственники, за судьбу которых он волнуется?

– Ваша семья живет во Франции?! – удивленно распахнула она глаза.

– На юге – на Лазурном Берегу. Моя мать француженка.

– Вот в чем дело! Теперь понятно, откуда у вас такое отличное владение французским. Вам удалось повидаться с родными?

– Да.

– С ними все в порядке?

– Когда я уезжал, все были живы и здоровы. – Он нахмурился. – А теперь – кто знает!

– Почему? Чего вы боитесь?

– Они принадлежат к аристократии. А одно это может привести их к гибели – впрочем, как и меня. Если обнаружат, что я помогал людям, подозреваемым в сочувствии роялистам, меня осудят на жестокую смерть. Сейчас во Франции жизнь дворянина ничего не стоит. Я думаю, что все дворянство и богатые буржуа обречены на гибель, если останутся в стране.

– И ваша матушка?

– К счастью, ей это не грозит – она живет в Англии.

– А у вас есть братья или сестры во Франции?

Он покачал головой:

– У меня две сестры, и обе вышли замуж за англичан и живут в Англии.

– И... вас тоже ждет жена в Англии?

Он засмеялся и хлопнул себя по колену:

– Нет. А этот вопрос был очень важен для получения ваших гарантий?

Мария смущенно улыбнулась:

– Простите. Ваш упрек справедлив. Видите ли, я так долго не разговаривала с англичанами, если не считать тетушки и Констанс, что совсем забылась.

Чарльзу очень нравилась улыбка Марии Монктон – она вспыхивала у нее в глазах и освещала лицо, придавая ему особую пленительность. Девушка все больше интересовала его, но он этого не показывал. Как ни соблазнительно было воспользоваться ее юной неопытностью, приходилось думать о той цене, которую пришлось бы за это заплатить.

– Пожалуйста, не затрудняйте себя извинениями. Я вовсе не обижен. Даже напротив: хотя наш путь в Англию будет долгим и трудным, теперь я вижу, что с вами не придется скучать.

– Вы сказали, путь будет долгим. И мы все время должны разговаривать только по-французски?

– Да. Чем меньше внимания мы к себе привлечем, тем будет спокойнее. И если мы в присутствии Пьера будем называть друг друга Шарль и Мари, он ничего не заподозрит.

Марию не беспокоил кучер. Его широкое лицо и просто-

душный взгляд говорили о доброте и честности.

– Я думаю, ему можно доверять. А вы как считаете?

Он пожал плечами:

– Кому сейчас можно доверять? Ни в ком нельзя быть уверенным. Впрочем, он производит впечатление надежного человека, кроме того, он об радовался возможности заработать. Это его экипаж, я заплатил ему приличные деньги и пообещал добавить, если он благополучно доставит нас в Кале.

– Чарльз, я вам очень благодарна. Скажите, у вас есть еще какие-нибудь причины помогать мне – помимо того, что наши отцы были друзьями?

– Да, у меня есть личная причина почитать память сэра Эдуарда.

– Вот как?

– Он спас нам жизнь – мне и моей матери. Это случилось во время сезона дождей, когда мы с матушкой ехали к отцу в Бенгалию. Мы переправлялись через реку, которая из-за наводнения стала глубокой и бурной. Гребцы не справились с веслами, наша лодка потеряла управление, и ее стало подбрасывать и вертеть на волнах, как скорлупку. Было очень страшно, в любую минуту она могла перевернуться вверх дном. Ваш отец увидел все это с берега и поспешил на помощь. Пока он пытался нас спасти, сам едва не погиб. Мама удержалась в лодке, а меня и еще несколько человек выбросило за борт. Ваш отец прыгнул в воду и с трудом втащил меня в лодку. Тем временем остальные утонули. – Ли-

цо Чарльза затуманилось воспоминаниями. – Я обязан ему жизнью. Вы должны им гордиться.

– Я и горжусь. Теперь я понимаю, почему вы пришли мне на помощь.

– Конечно. Это самое малое, что я могу сделать для сэра Эдуарда – благополучно доставить домой его дочь. Таким способом я хочу отблагодарить его за исключительную отвагу.

– Да, я понимаю вас. И спасибо, что вы рассказали мне об этом, ведь я ничего не знала.

– Не стоит благодарности.

Уже знакомая легкая улыбка играла у него на губах, взгляд красноречиво задерживался то на ее волосах, то на свежих губках.

Мария вдруг вспыхнула румянцем и неожиданно для себя сказала:

– Я очень сожалею... о том... Ну, когда хотела ударить вас по щеке. Это было непростительно, мне стыдно за себя.

– Но это вполне объяснимо, – серьезно ответил Чарльз. – Не думайте об этом, я уже все забыл.

Мария ожидала, что теперь, когда она завела разговор об этом инциденте, он извинится за сказанное о полковнике Уинстоне, но он молчал.

Она украдкой окинула взглядом своего спутника. Темно-синий камзол плотно облегал его широкие плечи, серые панталоны обтягивали крепкие мышцы ног. Его красивое

мужественное лицо выдавало в нем человека сильного, смелого и уверенного в себе, и Мария с огорчением поняла, что невольно будет сравнивать с ним своего жениха.

Внезапно тучи разошлись, выглянуло солнце, озарив лицо Марии своим мягким золотистым светом. Она знала, что Чарльз продолжает смотреть на нее, потому что его взгляд обжигал ей щеку сильнее, чем луч солнца. Окрестности не смогли ее заинтересовать, поскольку ее мыслями целиком завладел Чарльз, по губам которого по-прежнему скользила легкая улыбка.

В спутнике Марии была некая особенность, которая заставляла думать, что он не так прост, как кажется. Казалось, его взгляд пронизывал ее насквозь, рождая в ней смятение и настороженность. Она начинала думать, что рядом с ним никогда не будет чувствовать себя легко и непринужденно.

Вскоре им пришлось влиться в плотный поток людей с ручными тележками и лошадей с повозками. Их экипаж оказался стиснутым со всех сторон, продвижение замедлилось. В этой густой толпе уставших и голодных крестьян и разного рода бродяг то и дело вспыхивали ожесточенные перебранки и потасовки, грозившие перекинуться на седоков удобного экипажа с сытыми конями. Мария опасалась нападения и испытала огромное облегчение, узнав, что Чарльз запасся оружием и достаточным количеством зарядов.

К счастью, все обошлось благополучно.

В середине первого дня путешествия колеса экипажа загрохотали по булыжным мостовым маленького городка. С трудом спустившись на землю, Мария бродила по извозничьему двору, разминая затекшие ноги, пока распрягали их лошадей, от которых валил пар после стремительного бега, а вместо них ставили свежих.

Снова поднявшись в экипаж, Мария ожидала Чарльза, который разговаривал с Пьером. Она придвинулась к окошку, чтобы посмотреть на своего спутника, и вдруг ею овладело неведомое прежде чувство, отчего зеленые глаза ее потемнели, нежное лицо порозовело и свежие губки приоткрылись от частого, прерывистого дыхания.

Словно почувствовав ее взгляд, Чарльз неожиданно обернулся, и выражение его светлых глаз заставило Марию поспешно отпрянуть от окна и заплыть от возмущения. В его взгляде читался дерзкий вызов, он привел ее в состояние непонятного возбуждения, пронизывающего все тело какими-то токами. Она рассердилась на себя, а еще больше – на Чарльза, считая, что причиной этому был именно он.

Чуть позднее они снова пустились в путь.

Уже стемнело, когда они добрались до постоялого двора, где им предстояло провести ночь. Пьер с багажом сво-

их пассажиров последовал за ними в дом. Внутри было чисто и уютно, в воздухе витали аппетитные ароматы. Общий зал был полон людьми, в основном мужчинами, которые пили вино и обсуждали положение в Париже. Появление путешественников привлекло настороженные взгляды исподтишка. Мария трепетала, опасаясь, как бы ей не пришлось вступить в общение с этими страшными людьми. Чарльзу удалось снять две комнаты.

– Я пойду сразу к себе, – сказала Мария. – И предпочла бы, чтобы мне принесли еду, если это можно устроить. С самого утра я ничего не ела и просто умираю с голода.

Чарльз сочувственно улыбнулся, понимая, что долгий путь изнурил девушку.

– Я об этом позабочусь. Мы с Пьером поужинаем внизу, а вы идите, горничная покажет вам комнату. Я зайду к вам позднее.

Мария последовала за горничной к лестнице, как вдруг изрядно подвыпивший, неряшливо одетый крестьянин тяжело поднялся из-за стола и с плотоядной ухмылкой встал перед нею.

– Ты чья же, милашка?

– Мадам, – вспомнив свою роль, холодно поправила она и брезгливо отвернулась.

Человек хотел сдвинуться с места, но ноги отказывались ему повиноваться. Едва не упав, он рухнул на ближайший стул. Затем поднял глаза, но вместо изящной молодой де-

вушки увидел перед собой ее высокого разгневанного супруга и растерянно заморгал.

«Супруг» стоял с застывшей на губах ледяной улыбкой.

– Эта милашка – моя жена. Так что советую побереечь свое здоровье – не вздумай к ней приставать. Понял?

Крестьянин что-то хмуро пробормотал и отвел глаза. Чарльз проводил Марию взглядом, пока она не поднялась на второй этаж, и только потом вышел во двор позвать кучера.

Утолив голод, Мария уселась у ярко полыхающего каминна, то беспокоясь об оставшихся в замке тетке с кухиной, то мечтая о своем доме в Англии. Постепенно все вокруг стихло. Она умылась и скользнула под одеяло, думая, что долго не сможет заснуть, но усталость после долгой поездки и уютная теплая постель сделали свое дело, и она сразу погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись в полной темноте, Мария не сразу поняла, где находится. Она лежала, прислушиваясь к шуму ветра, ударявшего в окна, затем различила слабые звуки, похожие на тихое дыхание. Встревоженная, она неподвижно лежала, и звук повторился – еле слышное сопение. В комнате был еще кто-то. Она быстро села и оцепенела при виде открывшейся ей картины: тлеющие угли слабо осветили ее спутника, который расположился в кресле, протянув длинные ноги на стул.

У нее вырвалось возмущенное восклицание.

Она пропустила без внимания его обещание зайти к ней позднее. И в суматохе приезда совсем забыла, что женатые люди располагаются на ночь в одной комнате и даже в одной постели. Она понимала, что, хотя их брак был фальсификацией, они должны играть роль супругов, чтобы избежать нежелательных вопросов, но неужели нужно изображать это так буквально?

Постепенно оцепенение уступило место ужасу и панике. Она поднялась с кровати и на цыпочках приблизилась к Чарльзу. Он снял сапоги и камзол, оставшись в панталонах и белой батистовой рубашке. Она всматривалась в него, не зная, что и думать. Черные волосы его спутались, одна прядь упала на высокий лоб, резкие черты лица смягчились во сне. Без своей обычной высокомерной усмешки он выглядел удивительно юным и беззащитным.

Для человека, предпринявшего полное опасностей путешествие в Кале, он выглядел возмутительно спокойным и беззаботным.

Видимо, он почувствовал ее рядом и внезапно открыл глаза. Встретив ее недовольный взгляд, он удивленно поднял брови, а на его губах появилась легкая, одобрительная улыбка.

Марии было приятно увидеть эту милую улыбку, за что она рассердилась на себя, а еще больше на Чарльза.

— Очевидно, вы не понимаете, насколько неприлично проникать в спальню дамы в такой час, иначе вряд ли осмели-

лись бы постучать, не говоря уже о том, чтобы войти без разрешения!

– Когда я вошел, вы так сладко спали, что мне не хотелось вас беспокоить.

Мария возмутилась, представив, как он наблюдает за нею, спящей. Не зная, как вести себя в такой ситуации, она отвела взгляд в сторону, чтобы успокоиться, но это ничего не дало, потому что близость Чарльза вызывала в ней трепет каждого нерва.

Он обвел взглядом всю ее, с головы до ног, и хотя на ней была длинная ночная сорочка, она испытала настоящее потрясение – никогда еще ее девическая скромность не подвергалась такому унижительному испытанию!

– Из-за вашего требования оставить мои вещи в замке мне даже нечем прикрыться! – обняв себя за плечи, сердито проворчала она, жалея, что у нее нет хотя бы шали.

Чарльз незаметно усмехнулся ее смущению. Если бы она знала, сколь долго он ею любовался, то поняла бы, что уже поздно спасать свою стыдливость.

– Это напоминает мне ситуацию, когда люди в спешке закрывают ворота конюшни, в то время как лошадь уже давно умчалась. Уверяю вас, из моей памяти уже никогда не изгладится воспоминание о той прелестной картине, которой я имел счастье наслаждаться, войдя сюда.

Мария залилась краской до корней волос.

– Неужели у вас нет совести? И сколько вы за мной на-

блюдали?

Чарльзу стоило труда оторвать взгляд от ее стройной фигуры с соблазнительными женственными формами, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Достаточно долго, чтобы это дивное зрелище пробудило во мне спящего дракона, которого, боюсь, будет не так-то легко усмирить.

Невольно поежившись под его красноречивым взглядом, Мария вздрогнула, когда он машинально сжал рукоятку пистоля.

– Вы всегда спите с оружием? – со страхом спросила она.

– Только в том случае, когда считаю это необходимым.

– То есть в данный момент, я правильно вас понимаю?

– Думаю, да. Не хочу вас пугать, но лучше постоянно быть наготове. – Он положил пистоль рядом с собой на столик.

– Чарльз, вы должны уйти. Вы не можете здесь спать. Это... это просто неприлично.

Он уселся, опустив ноги на пол и откинув волосы со лба.

– Прошу меня извинить, Мария. Я не стал вас пугать. Я же сказал, когда я вошел, вы крепко спали. И я не хотел вас будить.

– И все-таки вы меня разбудили! – негодуя воскликнула она, не подозревая, как очаровательно выглядит с рассыпавшимися по плечам роскошными волосами. – Как вы осмелились на такую дерзость? Если вы и дальше будете вести себя так безрассудно, вы погубите мою репутацию!

Он слегка улыбнулся:

– О нет, мое поведение отнюдь не безрассудно. Если бы вы могли видеть чуть дальше своего очаровательного носика, то поняли бы, что мною руководит исключительно стремление помочь вам. Не забывайте, я нахожусь здесь, чтобы защищать вас.

Но Мария продолжала сокрушаться:

– Когда мы отправились в эту поездку, признаюсь, я даже не подумала, как будут устроены наши ночлеги. Мне просто в голову не пришло спросить об этом. Моя тетушка пришла бы в ужас, если бы узнала, что мы ночью находимся в одной комнате.

– Не сомневаюсь, хотя я предупредил ее, что мы будем путешествовать под видом супругов. Сейчас вас меньше всего должна беспокоить ваша репутация. А вообще мне кажется, – продолжал он, притворно нахмутив брови, – вы только пытаетесь проверить, способен ли я вас защитить.

– Вовсе нет... То есть, разумеется, я вам очень благодарна... Но... О! Ну почему вы не устроили так, чтобы я считалась вашей сестрой или кузиной... но только не вашей женой!

– Потому что в качестве вашего супруга я имею право постоянно оберегать вас. Какой от меня был бы толк, если бы тот деревенщина вдруг вздумал найти себе подружку в вашем лице? Насколько я могу судить по тем непристойно раскрашенным женщинам, которых мы видели в общем зале,

вы – самая красивая и соблазнительная, так что его не за что винить. Вы – воплощенная мечта любого мужчины, Мария.

Говоря все это, он не отрывал взгляда от ее лица, но вот он посмотрел чуть ниже, в глазах его вспыхнул огонь, и Мария, вспомнив о своем виде, украдкой проследила за направлением его взгляда. Страхи ее оправдались, когда она увидела, что под тонким батистом четко обрисовываются холмики ее груди. Подняв голову, она посмотрела ему прямо в глаза и, стараясь скрыть свою растерянность, пробормотала:

– Дверь запирается, поэтому он не мог бы войти.

– Ну, для такого пройдохи было бы желание, а уж способ проникнуть к вам он всегда найдет.

Увидев, как она обхватила свои плечи в жалкой попытке прикрыться от его взгляда, он только теперь сообразил, каким пугающим должен был показаться его поступок Марии, которую всю ее жизнь оберегали от общения с представителями грубого пола, да и от остального мира.

Он встал и с высоты своего роста посмотрел на ее встревоженное лицо.

– Вы вели скромную жизнь под строгим оком вашей тетушки, с ее непоколебимыми правилами относительно воспитания благородных девушек. Могу я дать вам один совет, Мария? Запомните: благоразумнее прислушиваться к голосу здравого смысла, чем рабски следовать требованиям приличий.

Неожиданно для нее самой совет Чарльза заинтересовал

ее.

– Как же так? Ваш совет полностью противоречит всему, чему учила нас с Констанс тетушка и гувернантки!

– Да, я придерживаюсь такой точки зрения, потому что она тысячу раз оправдала себя. А если бы я следовал правилам приличия, забыв о здравом смысле, – как вы думаете, что стало бы с вами, если бы я не задержал вашего обожателя, когда он приблизился к вашей двери?

Глаза ее наполнились ужасом, а рука взлетела к горлу.

– Неужели он действительно хотел войти в мою комнату?! Но... но ни один мужчина не рискнет войти к женщине, зная, что там его встретит разгневанный муж!

– Вот именно! – серьезно кивнул Чарльз. – Но он был пьян, поэтому ничего не соображал и хотел сюда вломиться, пока я... словом, не убедил его хорошенько подумать.

– И пистоль... Вы думали и его применить против... против этого деревенщины?

– Если пришлось бы, в чем я сильно сомневаюсь. – Глаза его сурово сверкнули. – Этот тип больше не сможет подняться по лестнице, не говоря уже о том, чтобы приставать к молодой женщине в ее спальне.

– Почему? Что вы с ним сделали? – с тревогой спросила она.

– Скажем просто, сейчас он спит как младенец. – Он сощурил глаза и насмешливо усмехнулся. – Вы оставили дверь незапертой, а иначе как бы я сюда проник?

– Но вы не имели права войти ко мне.

– И где же, по-вашему, я должен был спать – может, у ваших дверей, чтобы навести людей на подозрения? – с кривой усмешкой недоумевал он. – А если вас тревожит мнение вашей тетушки, – он понизил голос до трагического шепота, будто эта грозная особа могла в любую секунду материализоваться в комнате, – то успокойтесь. Ей не обязательно знать об этом.

Поразмыслив, Мария признала его правоту.

– Я никогда не была о тетушке слишком высокого мнения. Просто мне и в голову не приходило подвергать сомнению ее авторитет и разумность ее неукоснительного следования правилам приличия и этикета.

– Это и понятно. В образцовой Франции, как и в Англии, юные девушки не сомневаются в старших. Но сейчас не те времена. Зачастую люди оказываются в самых непредвиденных и даже рискованных ситуациях. Не сомневаюсь, что ваша тетушка считала бы скандальным то, что мне представляется самым разумным поведением.

– А меня приравнила бы к падшим женщинам. Какой ужас! С ее твердыми понятиями о приличиях, она предпочла бы, чтобы вы оставили меня на милость этого неотесанного деревенщины, чем провели со мной всю ночь в одной комнате.

– Значит, вы согласны, что моя точка зрения намного разумнее, чем взгляды вашей тетушки?

Мария кивнула и весело улыбнулась, и на ее свежих щеках обозначились очаровательные ямочки.

– Да! – прошептала она, чувствуя, как с нее словно спали железные узы, связывающие ее с замком Феро.

Чарльз был рад видеть ее искреннюю, чистосердечную радость, но не ответил на ее улыбку. Казалось, она как-то сразу повзрослела, появившиеся под глазами тени делали их еще больше. На белом батисте рубашки резко выделялась черная масса густых кудрей, упавших на плечи, в сумраке комнаты отливающих синевой.

Внезапно Чарльзу вспомнился ее жених, этот подлец и развратник Генри Уинстон. Он представил, как он запускает свои лапы в эти мягкие, источающие нежный запах локоны, обхватывает ее обнаженные плечи, впивается привыкшими к грязной лжи губами в этот нежный, невинный рот. Он круто отвернулся и уставился на слабо тлеющие угли.

– Советую вам снова лечь спать. Завтрашний день мы опять проведем в пути, так что вам нужно хорошенько отдохнуть и набраться сил. Можете мне поверить, вас никто не потревожит.

– А вы? – робко сказала она. – У вас тоже был трудный день. Вы не сможете как следует отдохнуть на этих стульях.

Он обернулся и посмотрел на нее с опасным огоньком в глазах.

– Где же прикажете улечься? Может быть, с вами?

Он пристально смотрел ей в глаза, пока она не отвела в

сторону растерянный взгляд. Улыбнувшись, он наклонился и прошептал ей на ухо:

– Кажется, мысль разделить со мной постель не очень вас пугает, не так ли, Мария?

– О нет, нисколько! – Она поспешно шагнула назад. – Но об этом не может быть и речи.

– Этого и не нужно.

– Прошу извинить, что я приняла вас за джентльмена, – язвительно сказала Мария. – До сих пор вы сделали все, чтобы доказать, что вы самый настоящий распутник, в добавление к вашим дерзким влюбленным взглядам и предложению, чтобы я усмирила вашего... вашего дракона!

Чарльз криво усмехнулся:

– Не беспокойтесь, Мария, вы находитесь в полной безопасности. Но если вы однажды смените гнев на милость, обещаю вам такое наслаждение, которое вы даже не в силах себе представить.

– Не угодно ли прекратить эти глупые разговоры? – возмущенно вспыхнула она и подняла на него глаза в тот момент, когда он устремил взгляд на ее грудь. – Кажется, вы забыли, что я помолвлена с другим. Вы ведете себя так, будто в самом деле мне муж!

Чарльз тихо засмеялся:

– Кто знает, чем закончится наше путешествие? Я могу забыть о том, что я джентльмен, забыть про полковника Уинстона и действительно вести себя как ваш муж – хотя бы для

того, чтобы показать вам, какое наслаждение могут подарить друг другу муж и жена.

– Но мы не супруги. Насколько я помню, вы получили две комнаты.

– Да, вторую для Пьера. – Склонив голову набок, он смотрел на нее полунасмешливо-полусерьезно. – В ней достаточно места и для меня, если вы желаете спать одна. Вы хотите этого?

Мария закусила губку. Казалось, теперь можно было смело прогнать его, но ей мешало опасение, что в комнату станет снова ломиться тот пьяный крестьянин.

– Нет, будьте добры, останьтесь. – Мария подошла к кровати, сняла одно одеяло и положила его на кресло.

– Чтобы вам было тепло спать. Благодарю вас, Чарльз. Вы очень добры ко мне, когда не пытаетесь меня соблазнить. – Она сама не понимала, почему не злится на его дерзкое поведение.

В его светлых глазах отразился слабый огонек из камина.

– А почему бы мне и не быть к вам добрым? Ведь наши отцы дружили. По-моему, нам ничто не мешает тоже подружиться.

– Нет, конечно нет.

Мария смотрела на стоящего рядом Чарльза, стараясь не показать своего восхищения им, и вдруг кровь забурилась в ее венах, сердце забилося неровными, судорожными толчками. Она вздрогнула, и Чарльз это заметил.

– Вы простудились? – с тревогой спросил он.

Он схватил ее за руку, и на тыльной стороне его ладони Мария заметила маленький бледный шрам. Откуда он появился? Господи, ведь она совсем ничего о нем не знает! Но откуда ей знать? А может, лучше и не знать?!

Она высвободила свою руку. Внезапно оба почувствовали себя скованными и напряженными. Она смутилась, ощутив его запах и тепло его тела. Марию немного раздражала та легкость, с какой он сломил притворное высокомерие, которым она вооружилась против него. Но при этом ее неужемимо влекло к нему.

– Нет, не простудилась, – нарочито сухо ответила она.

– Тогда ложитесь.

Она послушно забралась под теплое одеяло, и вскоре ее одолел сон.

Чарльз сидел перед камином, рассеянно следя за последними искрами в тлеющих углях, мысленно возвращаясь к своей уснувшей подопечной. Перед ним возникала спутанная масса ее иссиня-черных волос, зеленые глаза, отливающие всеми оттенками, как драгоценный изумруд. И ее надменный, изящно очерченный носик с чувственно трепетными ноздрями. Выразительные и свежие губки. Он вспомнил, как в начале их путешествия эти прелестные губки изгибались от смеха.

Если бы так было всегда, думал он, но знал, что этого не будет.

Размышляя о долгом и трудном пути, он от души надеялся, что они благополучно доберутся до Англии. Мария ему доверилась, и он не мог ее подвести.

Глава 3

Проснувшись поутру, Мария увидела Чарльза, стоявшего перед умывальником, без рубашки, со слегка приспущенными на бедра панталонами. Она испуганно зажмурилась, но перед глазами все равно маячил его обнаженный торс с рельефно выступающими мышцами. Откинув одеяло, она привстала на коленях и устремила на него восхищенный взор. Мария впервые видела мужчину без одежды и невольно сравнила его с Аполлоном. Обернув шею полотенцем и вооружившись бритвой и мисочкой для мыльной пены, он продолжал соскребать со щек темную щетину, мурлыча про себя мелодию какого-то военного марша.

Мария никогда не видела, как мужчины бреются, поэтому, затаив дыхание, увлеченно наблюдала за процессом, испытывая непонятное волнение. Чарльзу было присуще невероятное обаяние, и она с изумлением чувствовала, что равнодушна к нему.

Поймав в зеркале ее отражение, Чарльз весело улыбнулся:

– Наконец-то вы проснулись. Доброе утро, Мария!

– Доброе утро, – покраснев, пробормотала она.

Заметив смущение девушки, Чарльз пожалел ее и, отложив принадлежности для бритья, подтянул и застегнул панталоны.

– Вам не приходилось видеть мужчину за бритьем?

– Нет, конечно, ни отца, ни Генри... – Она оборвала себя на полуслове – хотела было сказать, что, когда Генри уехал в Индию, она была еще слишком мала, чтобы интересоваться такими вещами.

– Ага, это вы про своего жениха! – Чарльз помедлил, держа на отлете руку с бритвой. – А я все думал, когда вы о нем заговорите. Могу я спросить, как это вы согласились на помолвку с полковником Уинстоном?

Казалось, вопрос этот озадачил Марию, и, будто соображая, что сказать, она уселась, подтянув колени, обхватив их руками и опустив на колени подбородок, и посмотрела на него в зеркало своими лучистыми глазами. В этой позе Чарльз нашел ее невероятно соблазнительной – восхитительной юной нимфой с длинными выющимися волосами; из-под одеяла виднелись ее маленькие, словно детские, ступни и точеные щиколотки.

– Вы затрудняетесь ответить на мой вопрос?

– Нет, просто я нахожу его дерзким и неприличным. – Она так строго посмотрела на Чарльза, что он невольно рассмеялся.

– Пожалуй, – согласился он, добродушно прощая очаровательной девушке упрек в невоспитанности. – Тем не менее мне хотелось бы услышать ответ.

– А я не желаю это обсуждать. С вашей стороны не очень благородно досаждать мне вопросами исключительно личного свойства. К тому же вы ставите меня в очень неловкое

положение.

– Не понимаю, почему? Вам неудобно за себя или за Уинстона? – не унимался Чарльз.

– Естественно, за себя! Поймите же, мне неловко находиться рядом с полуодетым мужчиной! Страшно подумать, что сказал бы Генри, а тем более тетушка!

В усмешке Чарльза промелькнула злость.

– Я понимаю, Мария, каким это ужасным испытанием оказалось для вас. Но не бойтесь – это останется нашей тайной. Полковник Уинстон об этом не узнает.

– Надеюсь! Вы только посмотрите – я даже не одета!

– Я и смотрел – всю ночь. – Он лукаво улыбнулся, изумляясь, до чего ему приятно быть рядом с Марией. Два дня назад он и представить себе такого не мог.

Его пылающий взор вогнал Марию в краску. Не в силах и дальше лицезреть его обнаженный торс с темными завитками волос на груди, она спустилась на пол и отвернулась, не заметив его улыбки.

Чарльз оглянулся. Мария стояла лицом к двери, решительно отказываясь смотреть на него. Он окинул взглядом знатока ее гибкую, напряженно застывшую спину, соблазнительные изгибы стройных бедер и довольно улыбнулся, после чего положил бритву и стер полотенцем пену с лица.

– Как только я закончу туалет, я выйду, чтобы вы тоже могли освежиться и одеться. Мы отправимся в путь сразу после завтрака.

Когда Мария повернулась к нему, он уже надевал рубашку. Он поймал ее взгляд и не отпускал его, пока по ее жилам не побежал жгучий огонь.

Чарльз подошел ближе и, приподняв длинный крутой локон с ее шейки, нежно его погладил.

– Какие дивные у вас волосы, Мария, необыкновенно красивые, – вдруг севшим голосом прошептал он.

Девушка чувствовала, как внутри у нее все тает от его прикосновения. Он заглянул ей в глаза, излучавшие мягкое сияние, и с минуту они в немом восторге неотрывно смотрели друг на друга. У нее возникло ощущение, что душа ее покинула тело и слилась с душой Чарльза. Никогда еще она не испытывала такого всепоглощающего чувства.

Его нескрываемое восхищение вызывало в Марии странный трепет и одновременно смущало. Он не смел вот так смотреть на нее – ведь она обручена с человеком, который безгранично верил в его благородное отношение к своей будущей жене.

– А теперь я хочу одеться, – дрогнувшим голосом прошептала Мария.

Чарльз терзался, удерживая себя от поступка, который круто изменил бы всю его жизнь. Как ни жаждал он овладеть этой нежной, невинной девушкой, долг чести повелевал ему отказаться от этого – Мария ему доверилась, она обручена с другим.

И все-таки она была такой беззащитной и доверчивой, та-

кой соблазнительной, так тянулась к нему...

В жизни ему не было так тяжело, когда он пересилил свое желание и отпрянул назад.

– Ах, Мария! Знаете ли вы, каким вы были для меня искушением на протяжении всей этой ночи? Мне хотелось касаться вас, ласкать вас! Но я удержался, победил свои инстинкты. Я... словом, я уйду, а вам пора одеваться.

Растерянная, Мария поспешно собрала свои вещи и спряталась за ширму. Когда она появилась, уже полностью одетая, Чарльза в комнате не было. Облегченно вздохнув, она попыталась собраться с мыслями. Если бы Чарльз все-таки дал волю своим чувствам, это означало бы для нее полное поражение и гибель. Казалось бы, Мария должна была затаить на него обиду и злость, но она испытывала только чувство, сродни... Сродни чему?

Да просто естественному любопытству, поразмыслив, решила она. Она только хотела глубже познать то, что едва отведала. На ее месте этого хотела бы любая женщина. А поскольку она была в неглиже, энтузиазм этого наглого типа подвергся серьезному испытанию. Но они не коснулись друг друга – лишь взглядами, что можно считать вполне невинным контактом. Но выражение его глаз преследовало ее и не давало покоя.

Расстроенная, она тщательно умылась холодной водой. И как этому Чарльзу Осборну удалось так легко завладеть ее мыслями? Похоже, он появился в ее жизни только для того,

чтобы похитить ее сердце и даже душу.

Она отправилась вниз, но у подножия лестницы испуганно остановилась, увидев пристававшего к ней накануне человека. Полностью протрезвевший, он бросил на нее угрюмый взгляд, но приблизиться не пытался. Разбитая губа и огромный синяк под глазом говорили сами за себя – видимо, Чарльз достойно защитил честь своей фиктивной жены.

Чарльз ожидал ее со спокойным и невозмутимым видом, только в глазах его промелькнул многозначительный огонек, заставивший Марию потупить голову. В общем зале стоял гул голосов и звон посуды: постояльцы подкреплялись перед тем, как отправиться в дорогу.

Проголодавшаяся Мария воздавала должное обильному завтраку, поэтому особенно не прислушивалась к разговорам. Но вот до ее слуха дошло, что накануне был дотла сожжен замок очень богатого дворянина. Она встревоженно подняла голову.

Отлично понимая, что происходит у нее в душе, Чарльз взглядом предостерег ее не реагировать открыто на это известие.

– Вы слышали, что они сказали? – тихо спросила она с изменившимся лицом. – Я знаю этот замок, он находится недалеко от замка Феро. Мы часто навещали наших соседей, это замечательные, добрые люди. Не может этого быть! Я не могу в это поверить!

Опасаясь, что ее внезапное огорчение может привлечь к ним внимание, Чарльз быстро встал из-за стола.

– Вы закончили есть? Пойдемте, экипаж уже ждет, нам нужно немедленно ехать. Я знаю, что произошло с замком. Я говорил вам, такое происходит по всей Франции. – Он вывел Марию во двор, к экипажу, который стоял наготове.

– А как же тетя и Констанс? – волнуясь, спросила она. – Что нам делать?

– Мы с вами ничего не сможем сделать, – отрывисто сказал он и, вручив Пьеру ее саквояж, который тот привязал к коляске, посадил Марию внутрь. Уже сидя напротив нее, он добавил: – Я предостерегал графиню, убеждал ее уехать.

– Но что же с ними будет?! – Мария всматривалась в его глаза, стараясь скрыть охвативший ее ужас. – Как я могла их оставить! Мне следовало остаться с ними. Все вокруг говорили о бунтах, но я не представляла, что все до такой степени ужасно. – Она нагнулась и сжала его руку. – Чарльз, нужно вернуться, мы должны к ним вернуться!

Пораженный безрассудным требованием Марии, он понял, что она не отдает себе отчета в происходящем. Живя в замке, она была отрезана от внешнего мира и предавалась своим мечтам, не замечая страшного хаоса в стране.

– Вернуться мы не можем, и с этим нужно просто смириться, – сухо сказал он, не надеясь, что она его поймет.

Экипаж уже тронулся с места, двор наполнился людьми, но Мария ничего не замечала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.